

Key words: culturological conflict, „one’s one”, „other”, „alien”, addressee, giver of communication message.

Стаття надійшла до редакції 10. 09. 2012 р.

Прийнято до друку 26. 10. 2012 р.

Рецензент – к. філол. н., доц. Трифонов Р. А.

А. Р. Габидуллина, Е. Л. Колесниченко (Горловка)

УДК 811.161’42

**„ПРЕДМЕТ РЕЧИ” В ПАРАДОКСАЛЬНОМ
КОММУНИКАТИВНОМ АКТЕ
(на примере произведений М. Жванецкого)**

Вопрос о прагматических особенностях создания парадоксальных высказываний в художественных произведениях поставлен в научной литературе сравнительно недавно. В основном изучаются телеологические особенности парадокса в текстах зарубежных авторов. Остальные аспекты коммуникативной ситуации обычно не рассматриваются. В нашей статье речь пойдет о парадоксальной референции в скетчах известного украинно-российского сатирика М. Жванецкого.

В диалогах его персонажей осуществляются разные виды референции: неопределенная, интродуктивная и идентифицирующая. Парадоксальная коммуникативная ситуация возникает в том случае, если один вид референции заменяется другим:

– *Что вам нужно?*

– *Ну, что мне нужно?... Ну, лекарства какие-нибудь.*

– *Какие?*

– *А какие у вас есть?*

– *А какие вам нужно?*

– *Ну... (всхлип) пирамидон.*

– *Сколько?*

– *Да что пирамидон! Ну, что вы, в самом деле? Мне нужно...*

Ой... Ну, что пирамидон... Ну, пирамидон тоже... Ой...

– *Сколько? (На складе).*

Как правило, в аптеку больной приходит за определенным видом лекарства. Неопределенная референция там, где она должна быть интродуктивной (предмет известен говорящему), является средством речевой характеристики персонажа - советского человека, который в эпоху тотального дефицита попал на склад и от растерянности не смог четко выразить свои намерения.

Парадоксальным может быть сочетание неопределенной и интродуктивной референции в одном высказывании: *Ну, пусть один из нас (неопределенная) разбогатеет, то есть я (интродуктивная).*

Парадоксальные ситуации в речи персонажей М. Жванецкого возникают в том случае, если нарушается закон тождества (каждое осмысленное выражение должно употребляться в одном и том же значении; предпосылкой его выполнимости является возможность различения и отождествления тех объектов, о которых идёт речь в данном рассуждении). В обыденной речи от подобного закона говорящие постоянно отступают, а гипертрофированное его нарушение создает парадоксальный эффект. Подобные высказывания, не соотношенные с конкретным референтом, где ослаблена связь языкового знака с объектом действительности, принято называть референцированными [Клюев 1998]: *Вот, возьмите успокаивающее. А вот и патроны к нему.* Транквилизатор – это лекарственное вещество, оказывающее на организм человека успокаивающее действие, уменьшающее тревогу и напряжение. В данном фрагменте в роли лекарства выступает огнестрельное оружие. Пресуппозиция – ‘Лекарство лечит’ и ‘Оружие убивает’. Парадоксальная пропозиция (парадоксема) – ‘Оружие – это транквилизатор (лекарство)’.

Парадоксальную ситуацию в произведениях М. Жванецкого создают разные типы референцированных высказываний.

1. – *Что ты знаешь! У него печень, почки, селезенка... Весь этот ливер он лечит уже шестой год* (Леониду Осиповичу Утесову). Здесь высказывание соотношено не с конкретным референтом, а с референтной группой. Произошла подмена понятий: выделенная соматическая лексика входит в ЛСГ „наименования внутренних органов человека / животного”, а ливер – ‘продукт из печени, легкого, сердца, селезенки убойных животных’. *Пирог с ливером* [Ожегов 1984: 296].

2. Нередко высказывания не вполне грамотных (или ироничных) персонажей произведений М. Жванецкого соотношены с абстрактным референтом:

– *Теперь демократия. Это как?*

– *Это если ты не согласен.*

– *Ну?..*

– *Вот. Теперь можешь быть не согласен.*

– *Ага... И долго?*

– *Ну, долго я бы не советовал... Пока это происходит, можно (Прэсса дает!).*

Демократия – 1. Политический строй, основанный на признании принципов народовластия, свободы и равноправия граждан. 2. Принцип организации коллективной деятельности, при котором обеспечивается активное и равноправное участие в ней всех членов коллектива [Ожегов 1984]. В речи персонажа демократия ограничивается возможностью человека иметь собственное мнение.

3. В речи героев М. Жванецкого мы встречаем множество квази – и псевдодефиниций, которые раскрывают значение слова лишь приблизительно или вовсе ошибочно. Практически весь монолог

„Двадцатый век” построен на подобном явлении: *Понятие честности толкуется значительно шире: от некоторого надувательства и умолчания до полного освящения крупного вопроса, но только с одной стороны. Значительно легче переносится принципиальность - она теперь допускает отстаивание двух позиций одновременно. <...> Размашистое чувство, включающее в себя безжалостность, беспощадность и жестокость, называется добротой.* В данных суждениях, построенных с помощью антитезы, парадокс основан на противопоставлении понятий. Иными словами, высказывания соотнесены с чужим референтом.

М. Жванецкий мастерски обыгрывает разноплановость объектов, входящих в сферы референции: пространственно-временную, сферу внепространственных отношений, сферу концептов-понятий.

В сферу пространственно-временных отношений входят объекты, доступные чувственному восприятию (говорящий, адресат, место и время действия), в каждый данный момент времени занимают определенную точку в пространстве. Референция осуществляется с помощью дейктических указателей: личных и указательных местоимений *я, ты, вы, это*; определенных наречий *там, туда* и пр. М. Жванецкий явно гипертрофирует неспособность коренных одесситов четко номинировать ситуацию:

*Главная улица – Дерибасовская. Если спросить, как туда пройти, могут разорвать, потому что объясняют руками, слов „налево” и „направо” не употребляют. **Пойдете туда, потом туда, завернете туда, сюда – туда, туда – сюда...** Спрашивающий сходит с ума, пока кто-то не скажет – **вон она.***

– *Где?*

– *Вон!*

– *Где?*

– *Вон, вон и т. д.*

Одесситка, у которой руки заняты ребенком, ничего не может рассказать („Одесса”).

Как правило, дейктические знаки соотносятся с конкретными объектами, доступными чувственному восприятию. М. Жванецкий обыгрывается парадоксальную ситуацию, где объектом референции становится абстрактное понятие:

– *Ей было тридцать девять.*

– *А! Тридцать девять! Такая молодая!*

– *Тридцать девять – температура. Ей двадцать восемь.*

Сфера внепространственных отношений имеет более высокий уровень обобщений. В ней изначально выделены индивиды, и референция осуществляется с помощью собственных имен, закрепленных за ними (лицами и стационарными объектами, имеющими постоянную локализацию в пространстве). Этот тип референции в скетчах М. Жванецкого практически не обыгрывается.

Сфера 3 – концептуальная. Основные единицы этой сферы – концепты/понятия – представляют действительность с помощью нарицательных имен и указательных местоимений.

– *Алло, простите, утром от вас ушел **мужчина**... Ну, не стесняйтесь, мне другое надо узнать. Каким **он** был, вы не вспомните? Кольцо, сустав, очки, брюки серые, потрепанные... А, значит, это все-таки был **я**! Извините.* (Леониду Осиповичу Утесову)

Парадоксальность ситуации заключается в том, что один и тот же объект действительности обозначен средствами выражения разных сфер референции: и нарицательным существительным (*человек*), и личным местоимением 3 лица (*он*) и личным местоимением 1 лица (*я*). Коммуникация в данном речевом отрезке происходит в режиме on-line, и дейктический указатель „я” был бы уместен в начале коммуникативного события, так как лишь местоимения 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа указывают на участников диалога – говорящего и собеседника. В то же время местоимения 3-го лица указывают на того или тех, кто в диалоге не участвует, а нарицательное существительное общей семантики *человек* в данной ситуации указательную функцию не выполняет вообще.

Кстати, подобный (катафорический) способ выражения антецедента не нов. Мы встречаем его у Козьмы Пруткова:

*Когда в толпе ты
Встретишь **человека**,
Который наг;
Чей лоб мрачней
Туманного Казбека,
Неровен шаг;
Кого власы подъяты
В беспорядке;
Кто, вопия,
Всегда дрожит в нервическом припадке, -
Знай: это **я**!*

У Даниила Хармса:
*Когда в толпе ты
Встретишь **человека**,
Знай: это **я**!*

Как пишет в своей статье М. Федосюк, „иногда - через абсурдность описываемых ситуаций, иногда - через абсурдность поведения персонажей, иногда же - через абсурдность построения текста” [Федосюк 1996: 25], писатель реализует свой замысел. Именно третий тип абсурдности, по его мнению, представляет для лингвистики текста особый интерес.

Дейктические средства референции нередко приобретают в произведениях М. Жванецкого символическое значение: *Господи, да почему надо пить. Да потому, что как пересечешь границу **туда**, так*

*вроде и солнце, и туфли чистить не надо. Пересекаешь **обратно** из цветного в черно-белый, и желание выпить начинается еще над облаками* (Лечиться надо). Современники писателя прекрасно понимают семантику выделенных наречий и без ситуативного контекста: *туда* - в страны „загнивающего капитализма”, предел мечты советского человека, *обратно* – в СССР, страну всеобщего дефицита, разрухи и тоталитаризма.

Перемещение референта внутри коммуникативного акта регулируется рядом правил (принцип кооперации Г. Грайса, правила транспорта референта Е. Ключева и др.). Парадоксальный эффект в произведениях М. Жванецкого построен на коммуникативных девиациях, вызванных нарушением этих правил.

*Я уже речь толкнул и закончил по-французски. Так и сказал: „Селяви” в смысле – **есть что показать** (В век техники). C'est la vie – ‘такова жизнь’.*

Здесь нарушено правило изоморфизма (Е. Ключев), согласно которому слово или высказывание должно соответствовать референту, не исказить и не деформировать его структуру, а собеседники должны заботиться о том, чтобы их высказывания давали по возможности адекватное представление о реальном объекте действительности.

Монолог незваного гостя. *А вон тот лысый, с прыщом? Директор книжного магазина?.. Имя?.. Георгий Петрович? Георгий Петрович. Как вам именины? Великолепные. У вас там не нашлось бы пишущей машинки?.. Одной?.. Я бы к вам зашел с одним человечком?.. А?.. Нет... А билет на Симферополь? („Он таким не был”)*. Нарушено правило панорамы, или создания ближайшего контекста, согласно которому предмет разговора рассматривается на фоне других референтов из данной группы или на фоне других (смежных) предметных групп. В данном случае *книжный магазин* никак не ассоциируется у читателя с *пишущей машинкой* и *билетом на Симферополь*.

Парадоксальная ситуация происходит тогда, когда говорящий вводит один фокус в соответствующую систему координат, а затем неожиданно переключает свое внимание, тем самым сменив систему прагматических координат и не дав при этом соответствующего сигнала. Может быть и другое явление: слушающий может решить, что произошла смена фокуса, а говорящий и не думал делать этого. Реально оба эти процесса очень похожи, но один рассматривается с позиции говорящего, а другой – с позиции слушающего. Максима релевантности Г. Грайса (о ней речь пойдет ниже) часто нарушается в случае неудачного выбора фокуса, когда говорящий вводит один фокус в соответствующую систему координат, а затем неожиданно переключает свое внимание, тем самым сменив систему прагматических координат и не дав при этом соответствующего сигнала. Может быть и другое явление: слушающий может решить, что произошла смена фокуса, а говорящий и не думал делать этого. Приведем пример.

– Ты чем увлекаешься после работы?

– За Каткой увлекаюсь в садик, потом увлекаюсь по магазинам.

В этом речевом событии нарушено правило фокуса. В фокусе внимания первого персонажа скетча М. Жванецкого выделенное слово употреблено в значении ‘целиком отдаться какому-либо занятию, чувству’ [Ожегов 1984: 755], в фокусе внимания второго – ‘тащиться, тянуться, волочиться за кем-либо или за чем-либо, не отрываясь от поверхности чего-либо; волочиться’. Каламбур создается за счет игры омоформами.

В разговорной речи персонажей М. Жванецкого постоянно нарушается принцип кооперации Г. Грайса, который является своеобразной реализацией идеи о целенаправленности сообщения. А именно: мы вычисляем небуквальное значение только потому, что пытаемся посмотреть на высказывание как на предмет для нашего уразумения. Понимающая сторона „кооперируется” с говорящим или пишущим именно в том смысле, что пытается выполнить предложенную ей задачу. Г. Грайс сформулировал свой принцип кооперированности для говорящего [Грайс 1985] так: „Говори в соответствии со стадией разговора, общей (для собеседников) цели и направлением обмена репликами”. Для слушающего заповедь о кооперированности должна звучать так: „Понимай в соответствии с ожиданиями говорящего на конкретной стадии разговора, общей (для собеседников) цели и направлением обмена репликами”. Принцип кооперации регламентируется четырьмя максимами: количества, качества, релевантности и способа.

В диалоге „Как проехать к центру?” – „Очень просто”, и ушел („Как проехать к центру”) нарушена максима количества. Подчинение этой максиме требует адекватно нормировать сообщаемую информацию. Персонаж нарушает это правило Г. Грайса. Сообщенная им информация оказывается недостаточной и, таким образом, сообщение само по себе становится абсурдным.

– Какая лодка у тебя?

– Лодка?.. Я с тещей в одной комнате (Везучий и невезучий).

Нарушена максима релевантности: собеседник отклонился от темы: на вопрос о наличии лодки он сообщает о совместном проживании с тещей. Правда, это поверхностное понимание высказывания. Глубинный смысл вполне релевантен: ‘Лодки нет, потому что ни на что не хватает денег – хотя бы на отдельную комнату’.

– Чем вы гладите тонкое женское белье?

– Рукой.

Максима способа гласит: „Говори ясно, конкретно и недвусмысленно”. В приведенном выше диалоге реализуются сразу два значения глагола „гладить”: 1. ‘Делать гладким, выравнивать горячим утюгом или специальным механизмом. 2. Легко проводить рукой по

чему-нибудь' [Ожегов 1984: 122]. Иными словами, каламбур всегда построен на двусмысленности.

Максима качества (истинности) звучит так: „Говори правду! Не говори того, что считаешь ложным. Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований”. Практически все высказывания, содержащие противоречие, эту максиму нарушают: *Диета № 7. В ней масса достоинств. Перестал мыть ложку. Перестал ковыряться в зубах. Желудок исчез вместе с болями, несварениями. Женщины по рейтингу откатились на двадцать первое место и лежат сразу после новости о возобновлении балета <Корсар>. На собак смотрю глазами вьетнамца. Пульс и давление определяем без приборов. Печень и почки видны невооруженным глазом. Когда проступят легкие, обойдемся без рентгена и его вредных последствий* (Лечиться надо). В данном тексте тезис и аргументы явно противоречат друг другу.

А. Шмелев и Т. Булыгина описали еще одно интересное явление, построенное на нарушении постулата истинности, - языковую демагогию. Под ней понимаются „приемы непрямого воздействия на слушающего или читателя, когда идеи, которые необходимо внушить ему, не высказываются прямо, а навязываются ему исподволь путем использования возможностей, предоставляемых языковыми механизмами”, и далее: „...языковая демагогия как таковая предполагает не критическое восприятие со стороны адресата. А навязываемые ему мнения подаются как данность, обсуждать и тем более отрицать которую просто глупо. Именно этот механизм и лежит в основе всего разнообразия приемов языковой демагогии” [Булыгина 1997]

Один из таких приемов, который часто встречается у М. Жванецкого, – ассерция, маскирующаяся под пресуппозицию (т. е. под бесспорную и не нуждающуюся в обсуждении предпосылку). Например: *Все друзья хотят меня женить, потому что люди не выносят, когда кому-нибудь хорошо* (Для вас, женщины). Имплицитный смысл – ‘женитьба – это плохо’.

Итак, мы выяснили, что референцированные высказывания являются одним из основных источников возникновения прагматического парадокса в произведениях сатирика.

Литература

Булыгина 1997 – Булыгина Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. – М.: Шк. „Мастера русской культуры”, 1997. – 574 с.; **Грайс 1985** – Грайс Г. Л. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVI. – М.: Прогресс, 1985. – С. 217 – 237; **Клюев 1998** – Клюев Е. В. Речевая коммуникация : учеб. пособие для ун-тов и ин-тов / Е. В. Клюев. – М.: Приор, 1998. – 224 с.; **Ожегов 1984** – Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М.: Сов. энцикл., 1984. – 846 с.; **Серль 1986** – Серль Дж. Что такое речевой акт / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. –

Вып. 17. Теория речевых актов. – С. 151 – 169; Федосюк 1996 – Федосюк М. Ю. Постулаты построения художественного прозаического текста на материале рассказов Даниила Хармса / М. Ю. Федосюк // Opuscula Polonica Et Russica. – 1996. – № 4. – С. 21 – 28.

Габидулліна А. Р., Колесниченко О. Л. „Предмет мовлення” в парадоксальному комунікативному акті (на прикладі творів М. Жванецького)

У статті досліджено способи створення парадоксу за допомогою різних видів референції: невизначеної, інтродуктивної та що ідентифікує. Виникнення парадоксального ефекту пов'язано з порушенням законів логіки, і, у першу чергу, – закону тотожності. Автори вважають, що відхилення від принципу Кооперації Г. Грайса, правил транспорту референта Е. Ключова є одним з основних джерел виникнення прагматичного парадоксу у творах сатирика.

Ключові слова: референт, предмет мовлення, закон тотожності, парадокс.

Габидулліна А. Р., Колесниченко Е. Л. „Предмет речи” в парадоксальном коммуникативном акте (на примере произведений М. Жванецкого)

В статье исследуются способы создания парадокса с помощью разных видов референции: неопределенной, интродуктивной и идентифицирующей. Возникновение парадоксального эффекта связывается с нарушением законов логики, и в первую очередь – закона тождества. Авторы считают, что отклонение от принципа Кооперации Г. Грайса, правил транспорта референта Е. Ключова является одним из основных источников возникновения прагматического парадокса в произведениях сатирика.

Ключевые слова: референт, предмет речи, закон тождества, парадокс.

Gabidullina A. R., Kolesnichenko O. L. „Subject of speech” in paradoxical communication act (on the example of Zhvanetskiy's works)

The article deals with the means of a paradox creation by using different types of references: uncertain, introducing and identifying. The origin of a paradoxical effect is associated with the violation of the laws of logic, and in the first place – the law of identity. The author believes that a deviation from the cooperation principles of H. Grice, referent conveyance rules of E. Klyuev is one of the main sources for the pragmatic paradox in the works of the satirist.

Key words: referent, the subject of speech, the law of identity, paradox.

Стаття надійшла до редакції 25. 09. 2012 р.

Прийнято до друку 26. 10. 2012 р.

Рецензент – д. філол. н., проф. Глуховцева К. Д.